

Из меня получился не человек с ружьем, а человек с флейтой...

Имя профессора Юрия ДОЛЖИКОВА принадлежит к числу имен, составляющих славу российской музыкальной педагогики. Благодаря его сорокалетней деятельности флейтовое исполнительство в нашей стране вышло на качественно новый уровень, и если вы, придя на симфонический концерт или в театр, слышите флейтовое соло, то почти наверняка можно утверждать, что этот голос принадлежит воспитаннику или воспитаннице Юрия Николаевича. Накануне 70-летнего юбилея наша редакция связалась с профессором и задала ему несколько вопросов.

– Юрий Николаевич, не жалее ли вы, что всю жизнь отдали преподаванию, а не карьере концертирующего музыканта?

– Я никогда не помышлял о специальности флейтиста: еще до войны учился в Школе имени Гнесиных, потом забросил. Война была, разруха, голод, бомбы... Был пианистом, а отец мой – флейтистом. Отец умер в 1943 году, флейта осталась, и меня уговорили люди почти посторонние, чтобы я на ней учился. Вот я взял в руки не ружье, а флейту – получился не человек с ружьем, а человек с флейтой – и пошел по жизни. Через два с половиной месяца поступил в музыкальное училище при консерватории. Прочулся там три года вместо четырех, поступил в консерваторию. Окончив, работал в ансамбле солистов радио и телевидения, в Драматическом театре имени Пушкина (на третьем курсе еще пригласили). Слезам до сих пор обливаюсь, когда мимо театра прохожу. Ведь когда мне было 13 – 14 лет, я увлекался театром больше, чем музыкой, хотел в театральное училище поступать... Так вот, возвращаясь к вашему вопросу: в те времена игру на флейте можно было бы называть свистением, но, так сказать, художественным. Один свистит лучше, другой хуже – такая игра меня не удовлетворяла. Я начал создавать собственную методику. И в общем, о концертной карьере я не жалелю нисколько, потому что по духу своему я больше тренер, чем спортсмен. Моя работа тренерская, и ее цель – появление музыкантов, свободно играющих на флейте. Этого я добился, потому что за мою педагогическую деятельность я выпустил более пятидесяти учеников, имеющих лауреатские звания. Преподавать в консерватории я начал с 1968 года, а с 1971 года уже появились лауреаты, в том числе и первых премий. Все это скажут обо мне потом, на юбилейном вечере, что я создал свою собственную, уникальную флейтовую школу... Вообще-то, я считаю, что слова эти – уникальный, гениальный, это все так, юмор. Просто я сотворил методику, потому что Бог, наверное, дал это мне. Как композиторам – музыку, которую они создают.

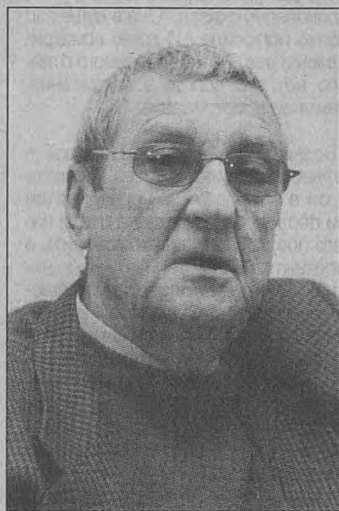
– Ну хорошо, если вы мне простите это определение, – как бы

вы объяснили нашим читателям уникальность вашей методики, позволяющей достигать таких результатов?

– Методику я начал изобретать в 1960 году – теорию и практику. Теория связана с физиологией: надо знать, чем ты дуешь, какие органы у тебя работают – дыхание, горло, связки, губы и т.д. А практика – это показ на специальных упражнениях для развития этих органов, и в результате должен получиться звук, который отвечает требованиям международного стандарта. Нет такого, чтобы одному нравился один звук, другому – другой, есть международный эталон звука. Короче говоря, я закончил консерваторию, задумался и сказал: играть так, как сейчас, нельзя! Тут я начал фантазировать. А году в 1964-м – 65-м я впервые услышал на концерте великого флейтиста Жана Пьера Рампаля, который потом стал моим другом, и – другого слова не подберешь – обалдел. Казалось, что он играет на другом инструменте, не на флейте: никакого свиста! И постепенно я стал добиваться того же, постепенно. У моих учеников не свистит же флейта, хотя в энциклопедии это – свистящий инструмент. Потому что я учу дуть не только губами, но и голосовыми связками – это мое изобретение. И дыхание я создал такое, что на Западе великие флейтисты хватают моих учеников, шугают – откуда у них такое дыхание. И это все – методика, ведь у нас, у флейтистов, методика значит даже больше, чем в вокале. Вокалиста берут уже с природными данными, на вокал не возьмут без голоса, а на флейте начинаешь учить “кота в мешке”.

– В те далекие шестидесятые годы в России хорошие духовики были штучным товаром. А как дело обстоит сейчас, сорок лет спустя, возрос ли наш конкурсный уровень? Или нас до сих пор считают отсталыми провинциалами?

– Да нет, возрос немножко: железный занавес, как говорится, открылся. Стали больше общаться с Западом, а на нас, на Россию, влияние всегда оказывал Запад. Сейчас наши люди больше общаются с “западниками” и кое-чему научились, но именно – кое-чему. Сдвига боль-

Ю. Должиков

шого нет. И до сих пор они так и считают на Западе: а, русский приехал, – ну понятно. И сразу: звук не тот, школы нет... Обычно призовые места получают единицы за счет своего таланта и какого-то такого благополучия. Но чтобы система была – поехал, скажем, гобоист или трубач, или любой другой исполнитель на международный конкурс и получил первое место – это большая редкость. А вот за эти полтора года у меня – восемь лауреатов международных конкурсов!

– А самые талантливые из них, по-вашему, кто?

– Вот Евгений Брокмиллер первую флейту в Сингапуре играет, лауреат первой премии всеозонного конкурса, у него и третья премия в Голландии (первые там никому не присудили). Да все мои лауреаты места без меня получают: где бы они ни играли, моего присутствия там не было! Важно всегда, когда в жюри сидит представитель страны; не секрет, что обычно жюри договаривается. Пожалуй, еще Денис Буряков (он в Лондоне живет) выиграл подяред три конкурса в Японии, Даниил (имени Нильсена) и сейчас вот в Италии. Они – выпускники, кстати, ЦМШ – то есть те люди, которых я учу “спозаранку”. Оба они за границей, так что их вы у нас и не услышите. А вот во всех оркестрах московских, самых лучших – оркестре Большого театра, Государственном симфоническом, БСО под управлением Федосеева, в Российском Национальном оркестре у Плетнева, в новом оркестре Спивакова – вот там на первых голосах, и на вторых, и на третьих тоже – все мои ученики, лауреаты и не лауреаты.

Беседу вел
Федор СОФРОНОВ

Фото автора